

Шесть дней отказа от борьбы:

Тюк-тюк — со стороны улицы раздался стук в дверь, прервав мысли Ци Ифэя, который не знал, что и сказать.

В эту ночь резиденция удельного князя выдалась на редкость оживленной.

Ци Ифэй вышел вперед и отворил дверь. На пороге стоял тот самый недавний «Лину» — красивый, талантливый, развязный и свободный от любых условностей. Ему бы зваться не Фу, а Цао — стоило вспомнить о нем в сугубо, как он тут же объявился.

Одежды господина Фу были лишь кое-как наброшены на плечи. Это даже нельзя было назвать «неподобающим видом»: его грудь была широко раскрыта, а сам он выглядел донельзя расхлябанным. Сразу было видно, с какой поспешностью он сюда летел и как торопливо собирался.

Разумеется, Фу Ли не обладал телепатической связью и не мог внезапно предчувствовать, что у регента этой ночью вдруг возникнет изысканная прихоть заглянуть к кому-то в гости.

Его вытащили посреди ночи стуком в дверь Императорские гвардейцы, которые неотступно следовали за Вэнь Цзунем на таком расстоянии, чтобы не мешать ему прогуливаться, но в то же время успевать защищать. А стражники не посмели напрямую барабанить в парадные ворота резиденции удельного князя по той простой причине, что, когда регента затащили внутрь, он не выказал ни малейшего намерения сопротивляться.

Даже напротив — казалось, ему это в какой-то мере нравилось?

Фу Ли терзался так сильно, что голова казалась тяжелой, как два котла, но все равно неслись без продыху «спасать особу императорской крови». Спасал он, правда, вовсе не регента, а своего закадычного друга по фамилии Ци, который с молодых ногтей отличался от прочих людей и словно бы имел какую-то брешь в голове.

Для Ци Ифэя, казалось, от рождения не существовало струн, отвечавших за сословные различия и старшинство. Ему не нравилось, когда другие преклоняют перед ним колени, и самому становиться на колени перед кем-то тоже претило. Это вовсе не означало, что Ци Ифэй совсем не смыслит в человеческих взаимоотношениях и мирских делах — в конце концов, с детских лет ему приходилось то и дело бывать при дворе, и когда положено, он опускался на колени без малейших сомнений. Вот только стоило старому императору одарить его хоть капелькой тепла, как он тут же норовил расцвести в ответ.

Спросите себя: нашелся бы еще хоть один принц, который осмелился бы покататься на шее у старого императора?

А Ци Ифэй катался.

И далеко не один раз.

До того как сдать экзамены и получить ученую степень, Фу Ли служил компаньоном по учебе у Третьего принца. Впервые он увидел Ци Ифэя во дворце — этого маленького удельного князя, который жил по соседству и в его представлении весь день только и делал, что кланчил у старшей сестры сладости, вылитый глупый сынок какого-нибудь богатого помещика... Тот восседал верхом на... шее Императора Тяньхэ. Пара пухлых детских рученок крепко вцепилась в две золотые жемчужины на короне икван, а смелости в мальчишке было столько, что у постороннего невольно выступал пот на спине.

Самое поразительное заключалось в том, что Император Тяньхэ находил это забавным. Он носил маленького удельного князя на плечах, словно помолодев лет на двадцать, с шумом проносился мимо учебных палат, где занимались принцы, и наверняка привлекал завистливые взгляды бесчисленных зевак.

— Цзюйбу, — первым подал голос Вэнь Цзуй.

Цзюйбу было взрослое имя Фу Ли, происходящее из изречения: «Без единого шага не пройти и тысячи ли». И само это слово, и его смысл были довольно избитыми.

Фу Ли являлся человеком ушлым и изворотливым, так что в подобный момент никак не мог испортить игру. Пусть он понятия не имел, как теперь следует обращаться к гостю, но всё же сгладил неловкость невнятным бормотанием:

— А, это ты пришел.

Ци Ифэй вовсе не обращал внимания на скрытое подспудное напряжение — он все еще ждал, пока Фу Ли представит их друг другу.

Стоило Фу Ли взглянуть на горящие предвкушением персиковые глаза Ци Ифэя, как у него тотчас начинал болеть живот — спазмы накатывали волна за волной. Чиновник Фу уже в который раз задался вечным вопросом самой своей души: с какой стати он вообще вздумал заводить дружбу с таким человеком?!

— Поздний час нынче, неудобно беспокоить. Пожалуй, мы... пойдем? — попытался завести речь господин Фу.

— Хорошо, — Вэнь Цзуй не стал намеренно чинить препятствия.

— А? Уже уходите? Не посидите еще немного? — Ци Ифэй, напротив, оказался тем самым человеком, которому было больше всех жалко расставаться с гостем.

Ци Ифэй провожал их двоих до самых ворот: одной рукой он придерживался за алый створ, а другая слегка тянулась вперед. И хотя он не стал удерживать гостей силой, его говорящие глаза уже истосковались в разлуке, словно в ожидании пересохшего водоема. В его невысказанных взглядах читалось нечто недосказанное, будто он безмолвно вопрошал: неужели нельзя поболтать еще хоть на десять монет дольше?

Но великий господин Фу отличался железной бесчувственностью — настоящий мужчина, развернувшись после ухода, никогда не оглядывается назад!

Стоило им миновать уличный угол, как Фу Ли вместе с затаившимися там Императорскими гвардейцами дружно опустился на колени, отвечая положенные поклоны. Вэнь Цзуй хоть и звался регентом, но фактически уже обрел власть императора и ждал лишь одного — когда старый правитель испустит дух.

На просторной улице в полном безмолвии стояло на коленях целое войсковое подразделение.

Но...

Вэнь Цзуй вовсе не завернул за угол вместе со всеми. Он остановился, повернулся назад и, подняв руку, легонько помахал Ци Ифэю, получив в ответ самый живой отклик — маленький удельный князь изо всех сил замахал в ответ.

В ночи, когда можно было расслышать падение иглы, маленький удельный князь набрался храбрости и выкрикнул фразу, которую Вэнь Цзуй запомнит на всю оставшуюся жизнь:

— Ваша милость, заглядывайте к нам почаще поболтать!

Какое выражение лица принял регент, помимо Ци Ифэя, не знал никто. А вот господин Фу, стоявший на коленях за углом улицы, и впрямь чуть не потерял равновесие от головокружения и не клюнул носом в землю.

Едва прозвучали эти слова, как раздался громкий стук — задняя дверь резиденции удельного князя захлопнулась наглухо.

Ци Ифэй и сам не мог поверить, что отважился на такую дерзость! Но в конце концов, речь шла о его собственной жизни, так что о сохранении лица заботиться уже не приходилось. Он лишь хотел сделать так, чтобы этот незнатный благородный господин, с которым они виделись впервые в жизни, как можно дольше не мог выбросить его из головы.

Вэнь Цзуй стоял у задней стены резиденции удельного князя, отделенный от нее широкой чистой дорогой, и долго смотрел перед собой, слегка опустив голову и скрывая истинные мысли за непоницаемым выражением лица.

Добравшись до давно освещенного яркими огнями особняка семьи Фу, Вэнь Цзуй все еще не мог удержаться от желания взглянуть на собственный рукав — туда, где некогда касался Ци Ифэй. Это прикосновение и тепло доставляли ему непривычное беспокойство: от них следовало бежать без оглядки, но тело почему-то вновь и вновь предавалось воспоминаниям.

Старый господин из семьи Фу издавна страдал от хронических недугов, и еще до того, как началась борьба за престол, он перебрался на покой в загородную усадьбу с термальными источниками под столицей.

Ныне же в огромном поместье семьи Фу всеми делами заправлял Фу Ли. Остальные домочадцы без его прямого дозволения даже носа не смели высунуть, чтобы выразить почтение.

И дело было вовсе не в том, что Фу Ли пользовался всеобщим беспрекословным авторитетом. Просто в только что завершившейся придворной схватке он оказался одним из тех редких людей, кто сделал правильную ставку. Мало кто верил в Седьмого принца, но всегда находились те, кто шел ва-банк, и Фу Ли как раз и был таким безумцем, поставившим всё на одну карту.

Кто-то говорил, что Фу Ли ходит по лезвию ножа, а кто-то — что у него необыкновенный, пронизательный взгляд. Так или иначе, результатом стало его мгновенное возвышение: благодаря заслугам в воцарении нового государя он превратился в самую влиятельную и востребованную фигуру при столичном дворе.

Весь клан Фу теперь зависел от его дыхания.

А он сам зависел от милости регента, который должен был позволить им выжить.

В памяти Вэнь Цзуй этот молодой господин из семьи Фу — казавшийся внешне предельно хладнокровным, а на деле сумасшедший — всегда умел безупречно соблюдать границы дозволенного. Он прекрасно понимал, какую роль и в какой момент следует играть, никогда не ставил регента в неловкое положение и даже страшился хоть в малейшей степени выказать желание получить награду за оказанную услугу. Но сегодня Фу Ли отогнал всех слуг и опустил на колени лишь ради того, чтобы испросить милость для Ци Ифэя.

— Чжэннаньский князь не слишком искушен в словах. Ежели он чем-то вас оскорбил, прошу Вашу Высочность ради прежних заслуг скромного слуги...

Вэнь Цзуй восседал на почетном месте в главном зале и движением руки остановил речи Фу Ли. Иные вещи, стоило им сорваться с языка, уже невозможно было вернуть назад. Широкий рукав скользнул вниз от этого движения, до боли напоминая прикосновение того человека.

Не успел Вэнь Цзуй развить эту мысль, как его безо всякого предупреждения прошиб приступ кашля. Прикрыв рот платком, он почувствовал во рту сладковатый привкус крови.

Вэнь Цзуй не то чтобы выглядел болезненным — его здоровье действительно еще не до конца восстановилось. Спустя несколько мгновений, даже не взглянув, остались ли на шелковом платке следы крови, он с бледным, но поразительно красивым лицом нарочито произнес:

— Его дед — нынешний глава тайного совета, а зять — великий полководец на границе. В его семье подмяли под себя и гражданских чиновников, и военных воевод, так что он, конечно же, ни в грош не ставит ничтожного меня.

— Клан Ци и клан великого генерала Сыту преданны престолу всей душой, они никогда, ни за что... — Фу Ли решил пойти на риск и уже собрался вымолвить слова, грозящие смертной казнью.

— Мой венценосный отец с детства рос под опекой невежественных женщин, был глух к доводам разума, слепо доверял чужим наветам и ревностно верил в духов и божеств, — Вэнь Цзуй вдруг сменил тему. Голос его звучал ровно и бесстрастно, темп речи не ускорялся и не замедлялся, однако от этих слов у слушателей стыла кровь в жилах и мороз пробирал по коже без всякого льда. — У нас с Ци Ифэем перевернулись Инь и Ян, стерлись границы между высоким и низким. Скажи, Фу Цин, должен ли я питать к Ци Ифэю теплые чувства?

В устах господина Фу эти слова сводились к простой истине: клану Ци, похоже, приходит конец.

Вэнь Цзуй задавал вопрос так, будто беседовал с кем-то, а возможно, просто говорил сам с собой:

— Что если лишить его покровительства счастливых звезд, защиты родных и опоры в виде власти?..

Господин Фу с глухим стуком бросился ничком, падая в ноги и ударяясь лбом о пол, брызнула кровь, и он ни капли не колебался. Широкие одежды и длинные рукава скрывали его перепуганное, искаженное страхом лицо, но не могли унять крупную дрожь, выдававшую в нем человека подобного свече на ветру. Он не боялся смерти, но панически, до потери рассудка боялся гибели Ци Ифэя.

— Зачем ты падаешь на колени? — в мгновение ока регент уже весело улыбался, но эта улыбка напоминала зимнее солнце в разгар двенадцатой луны — вроде бы лучистое и золотое, но насквозь лишенное тепла, источающее лишь пробирающий до костей холод. — Я ведь просто пошутил с тобой пару слов, с чего ты вдруг принял все всерьез?

Господин Фу с детства славился репутацией вундеркинда: в три года он уже читал и писал, в тринадцать — прекрасно разбирался в человеческой психологии, виртуозно владел тонкостями законов и умел лавировать в любых кругах. И тем не менее ему так и не удалось разгадать непостоянное, переменчивое сердце регента, которому он преданно служил.

— Ладно уж, Фу Цин, ступай отдыхать, поздно уже, побеспокоил я тебя.

Регент развернулся и отбыл во дворец столь же неожиданно, сколь и появился.

На следующее утро, едва забрезжил рассвет, господин Фу облачился в багровые парадные одежды чиновника и приготовился к выходу. У самых дверей своего особняка он нос к носу столкнулся с угодливым выражением лица, на котором так и читалось: у меня есть к тебе разговор.

— Нет, — господин Фу решительно пресек попытку друга коснуться губами, искренне надеясь, что тот побережет его нервы. — Ты ничего не хочешь сказать.

— Хочу, я действительно хочу! — Ци Ифэй прорвался через все заслоны, безумно нарываясь на неприятности. — Кто это был прошлой ночью? Твой друг? Познакомь меня с ним!

— Зачем тебе с ним знакомиться? — в душе господина Фу зазвенели тревожные звоночки. — Он уже женат!

Ци Ифэй ошеломленно замер на месте и растерянно выдал:

— Женат... и какое это имеет отношение ко мне?

Воспользовавшись моментом, господин Фу вырвался из цепких рук Ци Ифэя, с трудом вскочил в седло, хлестнул коня хлыстом и умчался далеко вперед. Подняв за собой клубы пыли, он унесся прочь, на ходу всерьез размышляя о том, насколько целесообразно сегодня ночевать на постоялом дворе.

В тронном зале собрались все гражданские чиновники и военные сановники.

Сегодня вновь обсуждали дела минувших двух дней, не представляющие особой ценности. Многие министры выглядели рассеянными, словно перед бурей в природе воцарилось мертвенное затишье.

По окончании утреннего доклада пользующийся высочайшим доверием господин Фу вновь был задержан регентом. Он ожидал аудиенции, стоя на коленях во Дворце Чунхуа, что вызвало немало злословий за спиной: мол, некоторые молодые таланты вроде бы купаются в милости, а на деле даже порог переступить не могут.

Командующий Чжоу из Цзиньивей в этот момент находился внутри покоев. Он отвечивал земные поклоны, докладывая о старом архивном деле, связанном со Старым господином Ци.

История эта была довольно запутанной и уходила корнями во времена раннего детства Ци Ванцзина, когда тот еще не состоял на государственной службе. Тогда за одну ночь до последнего человека вымерла целая деревня в несколько сотен душ — расправа выглядела донельзя грубой и простой, классическое замечание следов.

— Подданный просит позволения покинуть столицу. Чтобы отправиться на место давних событий и отыскать там хоть какие-то зацепки.

Вэнь Цзуй дал дозволение без особого энтузиазма, но и без возражений. Выкроив редкую свободную минуту от государственных забот, он пожелал поговорить с доверенным лицом о другом:

— Чжоу Цин, доводилось ли тебе в прежние времена общаться с людьми на равных?

— Доводилось, наверное... — Командующий Чжоу слегка растерялся. Он смыслил лишь в расследовании преступлений и ведении дел, но был совершенно чужд мирских условностей и человеческих отношений. Разве в подобных вопросах не следовало вопрошать стоявшего на коленях снаружи господина Фу?

— И как именно вы общались? — Прошлое Вэнь Цзуй выдалось на редкость тернистым и необычным. Долгое время все шарахались от него как от ядовитой змеи, и ему приходилось разговаривать лишь с самим собой. Повзрослев, он научился отдавать приказы и вести ожесточенные споры со множеством ученых мужей, но так и не смог постичь науку быть обычным человеком.

К тому времени, как рослого Командующего Чжоу в поте лица и с превеликим трудом удалось обучить основам приятельского общения с регентом, солнце уже поднялось высоко. Выйдя из зала с мокрой от холодного пота спиной, он передал очередь господину Фу.

— Его Высочность желает видеть тебя.

— Это все из-за вчерашнего? — Фу Ли подался вперед, пытаясь выведать подробности через их старое знакомство.

— Мы — всего лишь острые клинки в руках Его Высочности! Наше дело — рубить, а не задавать вопросы! — бросил на ходу Командующий Чжоу фразу с двойным дном и поспешно ударился прочь. То, что он не был евнухом, но при этом пользовался столь глубоким доверием Вэнь Цзуй, имело под собой веские основания.

Фу Ли с трепетом в сердце переступил порог и тотчас увидел регента, который ожидал его с неопределенной, насмешливой улыбкой на устах:

— Говорят, я по небрежности своей был насильно женат тобою?

<http://bllate.org/book/25452/3034621>